

ЛАНА ГОНЧАРОВА

В РОДНОМ КРАЮ

Предвечерний туман
уплывает за рыжие плесы,
В тишине неподвижен
и сумрачен горестный лес,
и спокойно и мудро
столетние сосны
разрывают усталые сети небес.
Засыпают олени.
Свинцовы озерные глубы.
Тишина и покой, и бескрайняя чуткая глушь.
День уходит.
Как будто во мне ничего не пребудет.
День уходит.
Как будто он мне ничего не принес.
Никогда и нигде
в этом добром заброшенном крае не найду я покоя,
беспокойство по-волчьи храня,
только пусть мне ночами
пахучая хвоя напевает
обожженные ветви осторожно на плечи клоня.
И опять я в лесном тишиною
окутанном доме вдруг припомню гаданья .
Купалина, светлого дня.
Сон из детства,
когда нам все ново и
внове и когда дым как дым —
без огня, без огня,
без меня! Много раз е той поры
отцветало пахучее лыко, отлетала листва,
куковала кукушка вразнос.
Все по-старому —
глухо и горестно-тихо.
Все по-прежнему.
Мило. Горчаще. До слез.

АВГУСТ

Выспели росы. Скоро в ночи
станет земля голубой и нездешней.
Бьют под обрывом все звонче ключи
от темноты и до зореньки вешней.

Вывесил август звезды в ночи,
словно фонарики, яркие-яркие.
Падают звезды в земные ключи
и остывают в них жаркие.

Скоро опять повернет на закат
ковшик точеный Большая Медведица.
Близится утро, и зябнувший сад
в росах и яблоках светится.

Ах, зачем по солнечному
плесу разбросало частые следы,
относился май русоволосый
да июль ласкающей воды.

Никому чужому не расскажешь,
как ни выговаривай слева,
сердцу биться чаще не прикажешь,
умная не к месту голова.

Я пройду по солнечному плесу,
оставляя редкие следы,
непокорной горю, благодарной солнцу
и не понимающей своей беды.